

Р.Ю. Почекаев

Ч.Ч. ВАЛИХАНОВ

О ПОЛИТИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ

СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), несмотря на свою сравнительно короткую жизнь и деятельность, оставил обширное письменное наследие, которое до сих пор изучено неравномерно. Наибольший интерес вызывают труды Валиханова по результатам его разведывательной миссии в Восточный Туркестан (Кашгарию) в 1858–1859 гг., которая, несомненно, представляет собой самую яркую страницу в его биографии¹. Кроме того, достаточно подробно изучены его работы по истории, этнографии и источниковедению Казахстана. В них он предстаёт не только как ученый-исследователь, но и, согласно популярному ещё в советской науке мнению, как носитель либерально-демократических взглядов, широко распространённых в России середины XIX века².

В гораздо меньшей степени до сих пор исследовались его материалы, посвящённые истории и современному положению Средней Азии, в частности – Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. Отсутствие интереса к этим материалам, по всей видимости, связано, во-первых, с тем, что они носили «вторичный» характер: сам Ч.Ч. Валиханов в среднеазиатских ханствах не бывал и в своих работах, посвящённых им, опирался на архивные документы и свидетельства очевидцев. Во-вторых, в отличие от многочисленных и нередко значительных по объёму трудов о Восточном Туркестане и Казахстане, большинство работ Валиханова о Средней Азии – это либо небольшие статьи, публиковавшиеся в российской периодике (нередко даже без указания имени автора), либо вообще отрывки и наброски, предназначенные для задуманных им крупных работ.

Однако не следует забывать, что Ч.Ч. Валиханов являлся не только выдаю-

щимся учёным. Большую часть своей взрослой жизни он был, в первую очередь, офицером российской армии и чиновником (адъютантом) при генерал-губернаторе Западной Сибири и командире Отдельного сибирского корпуса Г.Х. Гасфорте (в 1853–1860 гг.), а затем числился драгоманом Азиатского департамента Министерства иностранных дел. При этом начальники отмечали его «несомненную преданность правительству», «очень хорошие дарования» и «расторпность», а также хорошее знакомство с историей и современным ему состоянием среднеазиатских государств³. Соответственно, сбор и систематизация Ч.Ч. Валихановым материалов о Средней Азии, по всей вероятности, были частью его служебных обязанностей, и при работе с ними он старался уделять внимание тем вопросам, которые в большей степени интересовали руководство Западной Сибири, а затем – и российского МИДа.

Таким образом, анализ упомянутых материалов позволяет расширить, с одной стороны, наши знания о научных интересах Ч.Ч. Валиханова; с другой – представления о направлениях политики России в Средней Азии как раз накануне активизации её завоевания и присоединения к Российской империи. В рамках настоящего исследования мы намерены сосредоточиться на сведениях Ч.Ч. Валиханова о государственности и правовой системе ханств Средней Азии в исследуемый им период, т.е. в первой половине XIX века. Ряд этих аспектов представлял большой интерес для российских властей, поэтому неудивительно, что нередко соответствующие сведения приводятся Валихановым в контексте развития отношений Российской империи с ханствами Средней Азии.

Безусловно, одним из важнейших вопросов для укрепления позиций России в Средней Азии являлось стабильное положение её местных партнеров – Бухары, Хивы и Коканда. Соответственно, в ряде своих работ Ч.Ч. Валиханов достаточно подробно рассматривает статус правителей этих государств, особенности их системы управления, причём не только в современный ему период, но и давая исторические экскурсы, важные для понимания закономерностей политического развития ханств Средней Азии.

Так, например, говоря о прошлом Хивинского ханства, Валиханов упоминает, что в XVIII в. его престол неоднократно занимали казахские ханы и султаны, официально являвшиеся российскими подданными; соответственно, политика Хивы по отношению к России была не просто дружественной: ряд монархов стремился установить сюзеренитет России и над этим ханством. И лишь с приходом к власти новой династии Инаков (Кунгратов) в начале XIX в. отношения Хивы с Россией приобрели достаточно напряжённый, а в отдельные периоды – и открыто враждебный характер⁴.

Инаки поначалу смогли установить достаточно эффективную централизованную систему управления, справившись с сепаратистскими тенденциями на окраинах ханства. Однако в середине 1850-х гг. ханство переживало смутные времена: за 1855–1856 гг. на троне в Хиве сменилось четыре хана, а в ряде регионов были провозглашены собственные правители – казахский султан Джарлык у каракалпаков, Ата-Мурад у туркмен и т.д. Лишь к концу 1850-х гг. хану Сайид-Мухаммаду удалось справиться с последствиями смуты и восстановить свою власть на всей территории ханства⁵.

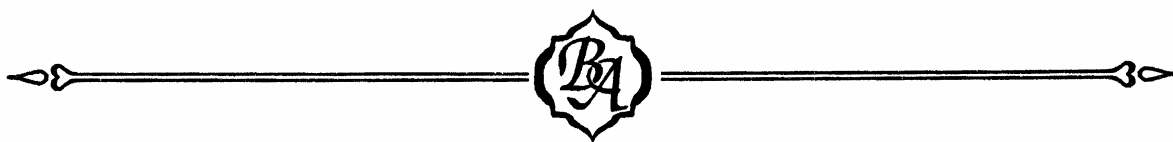
Аналогичным образом, постоянные смуты являлись неотъемлемой частью политической жизни Кокандского ханства. Причинами этого были многочисленность и разветвлённость правящего рода, а также отсутствие чётких правил наследования трона⁶. Поэтому правители всячески старались укреплять свой статус. В начале XIX в. кокандский бек Алим принял титул хана, а его

брат и преемник присоединил к нему ещё и титул сейида, тем самым претендуя не только на светский, но и на духовный авторитет. Современный Ч.Ч. Валиханову хан Худояр также позиционировал себя как знатока богословия и правоведения, даже сам периодически выступал с «лекциями прав и обрядов»⁷.

Наиболее стабильным среднеазиатским государством к середине XIX в. являлся Бухарский эмират, правитель которого Насрулла славился «правосудием и милосердием». Это позволило ему в 1842 г. на некоторое время захватить Коканд и поставить в нём у власти своих наместников, а затем – присоединить к своим землям ранее независимое владение Шахрисябз, тем самым существенно усилив свои позиции в регионе⁸. Неудивительно, что «сепаратисты» из числа подданных Хивы и Коканда неоднократно стремились перейти под власть Бухары – как, например, кокандский Ташкент и хивинский Кунград в первой четверти XIX в.⁹

Уделяет Ч.Ч. Валиханов внимание и характеристике центральных и региональных органов управления в среднеазиатских ханствах – ведь российским дипломатическим представителям приходилось взаимодействовать не только с монархами, но и с их сановниками, и с наместниками областей.

Так, при описании системы управления Хивинского ханства Валиханов упоминает о влиянии на хана Сайид-Мухаммада его старшего брата – «человека умного и весьма богатого». Он также сообщает о таких чиновниках, как мехтер (фактически – глава ханского правительства), кушбеги (сборщик основных податей), диван-беги (министр финансов и сборщик таможенных сборов), казы (судья), дарга (министр двора), есаул-баши (начальник войск) и другие мехремы – придворные¹⁰. Учитывая географические и этнические особенности этого государства, ханам не всегда удавалось назначать своих ставленников в качестве наместников областей и зачастую приходилось признавать фактическую власть над тем или иным хивинским регионом влиятельных родопле-

менных вождей, которые порой чисто номинально подчинялись Хиве¹¹.

Кокандское ханство было разделено на наместничества (которые Ч.Ч. Валиханов сравнивает с российскими военными округами) во главе с хакимами. Чаще всего во главе крупных областей становились ханские родственники или наиболее приближённые сановники, которые носили высокие придворные и военные чины – кушбеги, парваначи, датха и др. Каждый хаким имел помощника по гражданской части (саркар) и военной (батыр-баши)¹². Кроме того, Коканд, несмотря на постоянные внутренние междоусобицы, старался отслеживать ситуацию в соседних владениях и, в частности, претендовал на контроль над Восточным Туркестаном (Кашгарией) – под тем предлогом, что местное мусульманское население угнетается «неверными китайскими властями». Именно при дворе кокандских ханов нашли убежище кашгарские ходжи – потомки прежних правителей Восточного Туркестана, в середине XVIII в. свергнутых империей Цин. В благодарность за то, что кокандские ханы удерживали претендентов на кашгарский трон и не позволяли им начинать борьбу за власть, цинские власти выплачивали в Коканд ежегодно «до тысячи ямб» серебра и допустили официальное присутствие в Кашгаре кокандского чиновника-датхи, собиравшего налоги с торговцев. Несмотря на такие привилегии, кокандские ханы, тем не менее, несколько раз поддерживали восстания ходжей и даже вмешивались в борьбу с цинскими властями¹³.

Среди подданных всех среднеазиатских ханств имелись многочисленные кочевники, к которым Ч.Ч. Валиханов проявляет немалый интерес в своих записках – как в силу собственного происхождения, так и потому, что Российская империя имела неоднократные конфликты с Бухарой, Хивой и Кокандом относительно подданства тех или иных кочевников.

В отдельные периоды кочевники играли важную роль в политических событиях. Так, в середине 1850-х гг. туркмены свергали (или убивали) и возводили на трон Хивы

своих ставленников и, как уже упоминалось выше, даже провозгласили ханом собственного предводителя Ата-Мурада¹⁴. В Кокандском ханстве в конце 1840-х – начале 1850-х гг. реальная власть принадлежала племени кипчак во главе с Мусульманкулом. Он был смещён лишь после того, как в его собственном племени начались междоусобицы и он упустил контроль над ханством, который, наконец, перешел к легитимному монарху – хану Худояру¹⁵.

Практически все кочевники Бухары, Хивы и Коканда должны были нести военную службу разного рода. Так, согласно проанализированным Ч.Ч. Валихановым запискам поручика А. Субханкулова¹⁶, туркмены уже в первой четверти XIX в. несли военную службу в пользу хивинских ханов¹⁷. В Кокандском ханстве кочевники – узбеки, казахи, киргизы – делились на две категории: «совершенных подданных Коканда» и «признающих его власть». Племена, входившие в первую категорию, несли военную службу на регулярной основе и пользовались различными льготами и привилегиями, тогда как входившие во вторую категорию составляли «вспомогательные войска» и не имели льгот, платя налоги и неся повинности, как и оседлое население¹⁸.

Учитывая высокую мобильность кочевников, не приходится удивляться, что казахи, киргизы, каракалпаки и отдельные туркменские роды неоднократно перекочевывали из российских владений в среднеазиатские ханства и обратно, надеясь на более выгодные условия принятия подданства того или иного государства. Соответственно, в подобных случаях, и Россия, и ханства Средней Азии выражали претензии противоположной стороне, обвиняя её в «переманивании» своих подданных. Так, в 1820–1830-е гг. кокандский хан объявил себя «покровителем» всех казахов («киргизов»), в том числе и проживавших на территории казахского Среднего жуза, входившего в состав Российской империи¹⁹. Аналогичным образом, в течение длительного периода на власть над казахами – уже Младшего жуза (также находившегося в

российском подданстве) – претендовали хивинские ханы из династии Инаков, которые стремились подчинить их себе путём набегов, угона скота, насильственного переселения аулов и пр.²⁰

Время от времени среднеазиатские власти, не ограничиваясь заявлениями о сюзеренитете над казахами, позволяли себе и более радикальные требования.

Так, в 1835 г. кокандский наместник (кушбеги) в Ташкенте обвинил российские власти в создании на территории Среднего жуза «диванов» (т.е. окружных приказов в соответствии с реформой 1822 г., разработанной М.М. Сперанским), обложении казахов сборами и воинской повинностью²¹. Он в ультимативной форме потребовал от российских властей «снять диваны» и убрать из Среднего жуза русских чиновников²². Примечательно, что российские власти, согласно привлечённым Валихановым актам дипломатической переписки, реагировали на подобные ультиматумы весьма взвешенно и ограничивались выражением желания сохранять мир, дружбу и поддерживать взаимовыгодные торговые отношения.

В связи с этим ещё одна сфера правоотношений также неоднократно освещается Ч.Ч. Валихановым – налоговая. Он упоминает как о внутренних налогах, так и о таможенных сборах, тема которых также неоднократно являлась камнем преткновения в развитии отношений Российской империи с ханствами Средней Азии.

Внутренние налоги ханств упоминаются Валихановым в контексте общего политического развития того или иного государства. Так, сообщая о вступлении на престол кокандского хана Малла-бека, свергнутого в 1858 г. своего брата Худояра, он отмечает, что новый монарх, стремясь привлечь на свою сторону подданных, совершил ряд важных изменений в налоговой сфере. Он отменил налоги – никахана (свадебный сбор, составлявший 1 золотой при заключении брака с девицей и 1/2 при заключении брака с вдовой), тарахана (сбор при вступлении в права наследования, составлявший 1/40 от наследуемого имущества), тарадзар

(весовой сбор). Также был уменьшен вдвое поземельный налог (харадж), ранее составлявший 1/5 урожая с орошаемых полей, тогда как с неорошаемых полей он отныне больше не взимался²³.

Основные мусульманские налоги (харадж и зякет) взимались во всех среднеазиатских ханствах. При этом зякетом облагались не только оседлое население, но и кочевники, не обладавшие особым статусом – например, вышеупомянутые «признающие власть» кокандских ханов, не несшие постоянной военной службы. Впрочем, в ряде случаев отдельным категориям подданных могли предоставляться налоговые льготы. Так, после поражения очередного восстания ходжей в Восточном Туркестане кокандский хан позволил 100 тыс. кашгарцев переселиться в его владения и предоставил им налоговые льготы сроком на 10 лет²⁴.

В контексте отношений с Россией Ч.Ч. Валиханов неоднократно отмечает в своих записках неравное положение российских и местных торговцев при уплате торговых и таможенных сборов: купцы немусульманского вероисповедания должны были платить пошлины как за ввозимые, так и за вывозимые товары намного более высокие, чем мусульмане²⁵. Соответственно, он приводит документы дипломатической переписки, в которых российские власти настойчиво требовали от властей Бухары, Хивы и Коканда обеспечить безопасность российских торговцев и предоставлять им такие же льготы и привилегии, какие предоставлялись среднеазиатским купцам в России²⁶. Примечательно, что сами среднеазиатские торговцы, привыкшие к высоким торговым налогам, со временем научились избегать повышенной платы за ввоз и вывоз товаров и использовали свои умения не только в собственных государствах, но и в России. Так, анализируя деятельность Петропавловской таможни в первой четверти XIX в., Валиханов пишет: «Таможня сознаётся, что при составлении ведомостей отличить привозные и отвозные и из каких владений было невозможно по неясности объявлений, поданных от купечества»²⁷.

Не характеризуя специально сферу преступлений и наказаний, Ч.Ч. Валиханов сообщает некоторые сведения, которые также касаются взаимоотношений России и среднеазиатских ханств в торговой сфере. Так, когда хивинский хан Мухаммад-Рахим I узнал о нападении подвластных ему каракалпаков на караван и убийстве нескольких купцов, он выслал против них карательный отряд, который разграбил каракалпакские аулы, захватил около 300 семейств, а других заставил покинуть пределы ханства и перекочевать в Киргизскую степь.

Если нападения совершались ханскими подданными на иностранные караваны, монархи не брали на себя ответственность за действия грабителей, но и не предъявляли претензии в случаях, когда те несли потери. Валиханов приводит любопытные сведения касательно правосознания таких грабителей караванов: убедившись в том, что поживиться за счёт русских торговцев им не удастся, каракалпаки после очередного отражённого нападения сами предложили сопроводить караван и обеспечить его безопасность²⁸.

Свои правовые принципы и нормы среднеазиатские правители экстраполировали и на иностранных партнёров. Так, когда в 1837 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский принял ряд ограничительных мер против хивинцев²⁹, хан опасался, что российские власти потребуют «кун» за убийство князя А. Бековича-Черкасского, имевшее место ещё в 1717 г., и за умерших в плену невольников из числа русско-подданных³⁰.

В заключение можно сделать вывод, что проанализированные материалы Ч.Ч. Валиханова содержат ценную информацию о прошлом и современном ему государственном и правовом развитии ханств Средней Азии. Собранные им сведения также свидетельствуют об умении автора эффективно работать с архивными материалами и показаниями очевидцев и систематизировать полученную информацию в соответствии с поставленными перед ним целями и задачами. Несмотря на то, что большинство проанализи-

рованных текстов являлись, скорее всего, «служебными произведениями», созданными Ч.Ч. Валихановым при выполнении его должностных обязанностей, они являются не менее ценными работами, чем его исследовательские труды, благодаря которым он и вошёл в число выдающихся учёных-востоковедов.

Примечания

¹ См., напр.: *Стрелкова И.И.* Валиханов. М.: Наука, 1983. С. 141–184; *Халфин Н.А.* Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. С. 63–69; *Юсупов Э.* Подвиг Чокана Валиханова. Открытие Кашгарии. СПб.: Коста, 2009.

² См., напр.: *Зиманов С.З., Атишев А.А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1965; *Почекаев Р.Ю.* Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // *Страны и народы Востока.* Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 333–342.

³ *Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова* / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1904. С. 337; см. также: *Халфин Н.А.* Три русские миссии. С. 69.

⁴ *Валиханов Ч.Ч.* Сношения России с Хивой // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 186–187.

⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда и новейшие известия из Хивы // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 191–194.

⁶ *Валиханов Ч.Ч.* [Генеалогическая таблица кокандских правителей] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 313.

⁷ *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 317, 321.

⁸ *Валиханов Ч.Ч.* [Дипломатические и торговые отношения России со среднеазиатскими ханствами в первой половине XIX в.] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 276–277; *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 320.

⁹ *Валиханов Ч.Ч.* Из замечаний поручика Субханкулова // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 305–306.

¹⁰ *Валиханов Ч.Ч.* Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда... С. 195.

¹¹ См., напр.: *Валиханов Ч.Ч.* Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305.

¹² *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 314.

¹³ *Валиханов Ч.Ч.* [О кокандском посольстве] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 311; *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 320–321.

¹⁴ *Валиханов Ч.Ч.* Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда... С. 191.

¹⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 315–316.

¹⁶ Эти записки впоследствии были опубликованы полностью, см.: Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 206–218. Однако это, безусловно, ни в коей мере не умаляет значения работы Ч.Ч. Валиханова с этим источником.

¹⁷ *Валиханов Ч.Ч.* Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305.

¹⁸ *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 315.

¹⁹ *Валиханов Ч.Ч.* [О кокандском посольстве]. С. 308; *Валиханов Ч.Ч.* [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 266.

²⁰ *Валиханов Ч.Ч.* Сношения России с Хивой. С. 186–187.

²¹ Последнее вообще не соответствовало действительности, поскольку вплоть до падения Российской империи население Казахстана и Русского Туркестана было освобождено от воинской повинности.

²² *Валиханов Ч.Ч.* [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 271–272.

²³ *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 318–319. Примечательно, что новый хан также выплатил долги свергнутого им брата и предшественника.

²⁴ *Валиханов Ч.Ч.* [О кокандском посольстве]. С. 312.

²⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Среднеазиатские ханства: Хива, Бухара и Коканд и отношение их к России // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 182–183.

²⁶ *Валиханов Ч.Ч.* [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 270.

²⁷ *Валиханов Ч.Ч.* [Черновой материал о торговле России с Западным Китаем и Средней Азией в первой четверти XIX в.] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. С. 255.

²⁸ *Валиханов Ч.Ч.* Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305, 307.

²⁹ См. подробнее: *Почекаев Р.Ю.* Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // *Вопросы правоведения.* 2016. № 3. С. 208–211.

³⁰ *Валиханов Ч.Ч.* Сношения России с Хивой. С. 188.

